

Го И растерянно замер, и голос его невольно вернулся к обычной громкости:

— Ли-эр? Ты с открытыми глазами так давно лежишь и до сих пор не проснулся?

Только тогда Мужун Ли окончательно пришёл в себя. Осознав, что натворил, он сам испугался и вскочил с постели, тут же повернувшись спиной к Го И и начал торопливо застёгивать одежду, бормоча:

— У-... Учитель, п-прошу, не сердитесь!

Как только он привёл себя в порядок, тут же резко обернулся и опустился на колени у постели:

— У ученика не было намерения вас обидеть. Учитель, накажите меня как сочтёте нужным, только прошу, не сердитесь... не уезжайте опять далеко и надолго!

Го И не знал, смеяться ему или плакать. По его мнению, это было пустяком, но бурная реакция Мужун Ли заставила его почувствовать себя мелочным господином.

Он сел и, кивнув, указал на верхнюю одежду, лежащую на табурете у кровати, сдерживая улыбку:

— Раз уж так, тогда помоги учителю одеться, расчеши мои волосы, потом разбуди младшего ученика, мы вместе займёмся утренней практикой.

— А? — Мужун Ли задрал голову и с открытым ртом ошеломлённо уставился на Го И, который с трудом сдерживал улыбку. Его сердце снова забилося сильнее, прежде чем он смог взять себя в руки и с недоверием переспросить:

— У-учитель... Вы и вправду не сердитесь?

Раздался лёгкий хлопок – Го И уже поднял руку и похлопал его по плечу:

— Неужели я настолько мелочный человек? Сам, оказывается, и не знал. Если ты не поторопишься, пойду сам.

— Да-да! Ли-эр сейчас же пойдёт! — Мужун Ли счастливый до крайности, вскочил, поклонился и уже хотел выбежать, но добежав до двери, краем глаза заметил одежду учителя и только тогда вспомнил, что должен сначала накинуть на него верхнюю рубашку. Застенчиво улыбаясь, он снова подбежал обратно, неловко и бережно расправил верхнюю одежду, взглянул на Го И и виновато пробормотал:

— Учитель... эта ваша рубашка... я опять её порвал... Я... я боюсь... боюсь переодеть вас...

Го И в конце концов не сдержался и рассмеялся:

— Ладно, иди набери воды для умывания. Я сам справлюсь. Если бы ты сам не просил наказания, я и не подумал бы заставлять тебя меня обслуживать.

Мужун Ли с поклоном согласился и поспешно, почти бегом покинул комнату.

В тот день дождь лил всё утро. Мужун Ли и Го Ши остались в общем зале постоянного двора и вместе с телохранителями убрали оттуда столы и стулья, чтобы всю первую половину дня тренироваться в кулачном бою.

Лишь после обеда, когда дождь наконец утих, отряд снова отправился в путь.

Но с этого дня Го И больше ни разу не заговорил о том, чтобы дойти до постоянного двора, чтобы отдохнуть. Стоило солнцу склониться к закату и он сразу приказывал становиться на ночлег, ставить котлы и готовить ужин, разбивать лагерь прямо на месте.

Так они шли ещё с десятков дней, прежде чем, наконец, достигли городка, где смогли остановиться в настоящем большом трактире.

Мужун Ли, едва спешившись, сразу передал узел слуге, а сам тут же схватил за руку Го И и, не переставая повторять, что нужно купить снаряжение, буквально утащил его и Ши Эра с собой на рынок.

Хотя Го Ши обычно не нравилось, когда Мужун Ли постоянно крутился возле его отца, но такого оживлённого базара он ещё никогда не видел. Любопытство взяло верх над ревностью, и он, сияя от счастья, с удовольствием прошёлся по лавкам.

Когда они вернулись, только у одного Го И уже было недовольное лицо, а вот Го Ши выглядел очень довольным, и даже сам Мужун Ли, хоть и старался делать серьёзное лицо, не мог скрыть весёлый блеск в глазах.

Мужун Ли силком потащил отца с сыном и закупил им по несколько новых нарядов. Они с ног до головы были переодеты: новая одежда, новые головные повязки для волос, новые нефритовые подвески на пояс и всё до мелочей.

И это ещё не всё! Он даже специально купил повозку, объяснив это тем, что Го Ши может устать в пути.

Го И, разумеется, был против, но Мужун Ли нашёл такие доводы, что отказать было невозможно:

— Учитель, если младший ученик будет всё время питаться на ветру и спать под открытым небом, с его-то телосложением не ровен час заболит! Хотя впереди становится все теплее и

теплее, и песчаных бурь уже не будет, но ведь надо пересечь ещё несколько гор, а до столицы почти двадцать дней пути! Раз уж вы по-настоящему заботитесь о младшем брате, не отказывайтесь от добрых намерений вашего ученика.

Таким образом, Мужун Ли выбрал на рынке двух превосходных лошадей для повозки — одну с белоснежными ногами, другую рыжевато-красную, словно цветущая слива, обе отборные, крепкие, быстрые, хоть и не такие божественно грациозные, как Сюньэр, но вполне способные пройти сотню ли в день.

Так что теперь не только одежда, но и такие повседневные удобства, как седло, повозка, кони — всё было новым. Мужун Ли и вовсе распустился и полностью проявил свой нрав царственного наследника — он даже нанял для Го Ши писца и слугу, якобы чтобы удобнее было ухаживать за ним!

Го И чуть не вспылал прямо на месте, но всё же Го Ши успел его удержать. Поэтому всю дорогу обратно в гостиницу он шёл с мрачным лицом, а по возвращении даже не стал ужинать, просто ушёл к себе в комнату, запер дверь на засов и бросил только одну фразу:

— Вы, два брата, и впрямь одного поля ягоды. С малых лет уже знаете, как управлять вещами и людьми. А я, такой старый и бесполезный, не смею быть вам в тягость. Ешьте каждый сам по себе!

Мужун Ли с каменным лицом простоял на коленях у двери Го И всю ночь, так и не дождавшись, пока учитель выйдет. Даже когда с рассветом Го Ши поднялся и позвал его, он не двинулся, не проронил ни слова, позволяя ногам затечь и онеметь, упрямо надеясь, что учитель сам выйдет, когда остынет.

Го Ши всё же немного разозлился, но ругать отца не посмел, поэтому выместил злость на других. Он нарочно громко заговорил:

— Вы оба можете идти! Я с детства привык сам о себе заботиться и не терплю, когда за мной кто-то ухаживает! А этих двух лошадей забирайте с собой, считайте, что я вам их подарил в знак извинения!

Оба слуги, конечно, были вне себя от радости — кто бы стал отказываться? Они наперебой принялись благодарить и, не мешкая, увели лошадей.

Этот шум разозлил Го И настолько, что он с силой распахнул дверь, собираясь отругать сына за самоуправство. Но в пылу он не заметил, как ногой задел Мужун Ли, чьё тело онемело от долгого стояния на коленях, и тот с хрустом упал на землю в крайне неестественной позе.

Го И опустил глаза и с ужасом понял, что только что нечаянно выбил суставы у своего ученика. Рука и нога безвольно лежали под странным углом, видно, что они онемели, а теперь ещё и были вывихнуты.

Го И поднял голову к небу, несколько раз глубоко вздохнул, с трудом уняв вспыхнувший гнев, после чего резко, словно мешок с мукой, затащил Мужун Ли в комнату. На прощание он злобно зыркнул на Го Ши и с громким «бам» захлопнул за собой дверь.

Го Ши от этого расстроился ещё больше. Настолько, что, оставшись один, отправился во двор тренироваться, чтобы хоть как-то выплеснуть досаду.

Но он, как ни крути, просто тренировался в одиночестве. А Мужун Ли ?

Мужун Ли в этот момент лежал на кровати... и выслушивал нотации!

Хотя он и лежал, сам бы предпочёл стоять на коленях, но ни рука, ни нога, вывихнутые после утреннего происшествия, ещё не были вправлены, да и онемение не прошло, вот Го И и уложил его на кровать.

Тот ходил по комнате из угла в угол, топя сначала тяжело, потом всё тише и мягче, пока наконец не присел к нему на край кровати. Он долго смотрел на ученика, с явным раздражением на лице, но потом, словно увидев в его виде что-то жалкое, отвернулся, тяжело вздохнул... и начал говорить по-настоящему серьёзно.

Мужун Ли услышал, как он сказал:

— Я, разумеется, понимаю, что ты всё это сделал ради меня и моего сына. Но ты хоть подумал, сколько ненужного внимания привлекаешь такой роскошью и размахом? О том, сколько бедняков могли бы прожить на те серебряные монеты, что ты спустил вчера?

Мужун Ли сжал губы, замялся, но всё же тихо ответил:

— Учитель, Ли-эр понимает все эти доводы... Но Лиэр просто хочет, чтобы вы с младшим учеником жили лучше. К тому же... — он с усилием приподнял подбородок и взглянул на светлое лицо Го И — ...к тому же, учитель ведь нынешний Тайфу двора. А всё это — еда, одежда, прочие мелочи — по стоимости не дотягивают даже до того, что я трачу на один обед...

— Замолчи! — лицо Го И покраснело от гнева, рука взлетела вверх, и чуть было не ударила Мужун Ли по щеке, но он сдержался.

— Ты хоть понимаешь, если бы каждый во дворце был так же щедр и расточителен, как ты, даже без внешних и внутренних бед, государственная казна вскоре бы опустела, а народ, не вынеся оброков и тягот, восстал бы, и страна погибла бы?

С этими словами его взгляд постепенно смягчился, поднятая рука медленно опустилась, и он уже тише продолжил:

— — В своё время я сопровождал покойного императора и вместе с ним объездил весь Юэ. И везде мы вели себя как обычные странники, без излишеств и расточительства. Мы ели, пили, одевались и жили так же, как простой люд. А теперь... даже не будем говорить о тебе. Возьмём хотя бы Ши Эра. Да, он слаб здоровьем, но если уж ради этого устраивать такую расточительность, то что будет потом? Что, если он, повзрослев, заболеет? Как он тогда будет справляться сам? И как он научиться заботиться о себе?

Мужун Ли стоял с открытым ртом, долго не в силах вымолвить ни слова... Но в его взгляде всё ещё читалось упрямое несогласие.

— Посмотри, что он устроил сегодня утром, — Го И, заметив упрямство в глазах Мужун Ли, тяжело вздохнул и продолжил: — Пара небрежно сказанных слов и вот уже двое совершенно здоровых, трудоспособных людей превратились в выскочек с замашками нуворишей. Эти две лошади, попав к ним в руки, скорее всего сразу будут проданы за серебро. Если у них есть хоть капля сыновней почтительности, может, отнесут домой и угостят родителей, и то было бы не худшим исходом. Но если в их голове лишь развлечения, они решат, что богатство свалилось с неба, начнут бездумно тратить и раскидываться, станут бесполезны и неспособны служить даже обычной прислугой.

— А ведь он, — голос Го И стал мягче, но и строже, — он сам совсем не осознаёт, к чему может привести такой поступок. Он всего лишь по глупости, сгоряча, захотел выманить меня из комнаты, чтобы заставить тебя подняться и вот устроил такое. А я... я ведь не могу рассказать ему все эти рассуждения. Не хочу пока нагружать его слишком ранними разочарованиями в жизни. Но если всё продолжится так же, его характер станет всё труднее сдерживать. Он всё больше будет отходить от меры, и всё меньше понимать, что такое бережливость.

<http://bllate.org/book/13723/1213805>